

Глава 3. Почему сразу — муж?

—

Ду Хэн, укрывшись одеялом, затащил одежду внутрь и оделся.

Штаны наделись легко – достаточно было просто просунуть ноги, а вот верхняя одежда была длинной и с кучей тесемок. Он долго вертел её так и сяк, прежде чем наконец завязал.

Должно быть, из-за того, что его обтерли горячей водой, постель под ним немного прогрелась. Надев нательную рубаху, среднее платье и чуть более плотную подбитую ватой верхнюю одежду, он всё равно чувствовал, что снаружи не так тепло, как под одеялом.

Ду Хэн понимал, что сейчас зима, а условия в эту эпоху гораздо суровее, чем в самых отсталых горных деревушках его прошлого мира. Иметь комплект зимней одежды – уже большая удача.

Слова гера были вполне разумны: куда он, калека, пойдет в такой унылый и суровый зимний холод?

Так что же... ради спасения жизни ему придется стать мужем этому геру?!

Одевшись, он еще долго сидел на кровати.

Размышлял, мучительно думал, но так и не пришел ни к какому выводу, а холод тем временем ощущался вполне реально.

Даже во внутренней комнате, в этом продуваемом сквозняками, наполовину глиняном, наполовину деревянном доме, было ужасно холодно.

В конце концов, слабое тело не выдержало стужи. Ду Хэн, опустив голову, медленно побрел на своих хромотых ногах к самому теплomu месту в доме – на кухню.

Ду Хэн еще не привык к таким ногам, поэтому шел очень медленно и с большим усилием. К счастью, этот маленький домик был невелик, и всего через несколько шагов он добрался до кухни.

В дверном проходе между главной комнатой и кухней он нерешительно высунул голову, чтобы заглянуть внутрь.

Огонь в очаге пылал ярко, и вся кухня была наполнена теплым золотистым светом.

Гер в это время подбрасывал дрова в печь. Под ногой у него лежало полено толщиной в пояс. Взмах топором – и с громким хрустом полено разлетелось на несколько кусков.

Ду Хэн втянул в себя воздух – силища немалая.

Впрочем, будь он слаб, он бы не смог притащить его на себе.

Взглянув на забитую дровами поленицу под очагом, Ду Хэн предположил, что это семья трудолюбивых людей.

— Ты чего пришел? Не спится?

Цинь Сяомань поднял голову, собираясь снова колоть дрова, и первым делом увидел стоящего в

дверях молчаливого человека. Тот вроде бы был высокого роста, но, забившись в дверной проем, в его глазах выглядел как молодая робкая женушка, только что выданная замуж в чужой дом.

— Нет.

Ду Хэн подошел, прихрамывая, и увидел, что в большой железный котел на плите уже засыпан рис. Белый рисовый отвар кипел, распространяя нежный аромат злаков.

Он догадался, что это, должно быть, свежий рис, собранный этой осенью.

— Опять проголодался?

Цинь Сяомань, заметив его взгляд, открыл рот и задал вопрос.

Ду Хэн подсознательно покачал головой – разумом он не был голоден, однако тело тут же запротестовало: в животе дважды громко заурчало.

Он в смущении прикрыл живот рукой, словно пытаясь заставить замолчать болтливую и надоедливую человека.

Цинь Сяомань ничего не сказал, только встал и подтянул маленькую скамеечку к очагу:

— Садись здесь. У огня тепло, а на улице дождь, холодно.

Сказав это, он подошел к деревянному шкафу с посудой перед печью, порылся там и вскоре вернулся к очагу, держа в руках твердую рисовую лепешку размером с ладонь.

Ду Хэн увидел, как тот взял щипцы для углей, с силой несколько раз встряхнул их над полом, сдул с них несколько облачков пепла и положил лепешку на «ножки» щипцов, осторожно поместив их в топку.

Древесные угли в топке раскалились докрасна. Холодная и черствая лепешка, попав в такой жар, быстро размякла и раздулась.

Видя это, Цинь Сяомань вытащил щипцы, перевернул лепешку и снова поместил её внутрь, как и прежде.

Когда и другая сторона вздулась, Цинь Сяомань достал лепешку, похлопал по ней, сбивая лишний жар, и сунул в руки Ду Хэну пахнущую печеным и слегка треснувшую от жара лепешку:

— На, перекуси еще немного.

Ду Хэн, держа теплую лепешку, на мгновение замер. Давным-давно в родном краю бабушка точно так же грела ему кукурузные лепешки.

Огонь очага согревал тело, и Ду Хэн медленно отламывал кусочки и ел. Рисовая мука была грубоватой, крупинки перекатывались во рту, вкус был так себе, но он всё же доел всё до крошки.

Сидящий рядом Цинь Сяомань кочергой выгребал догорающие красные угли и пересыпал их в переносную жаровню-грелку, поглядывая на едящего Ду Хэна.

Тот ел не спеша, очень вежливо. Отец Цинь Сяоманя при жизни был ученым человеком и тоже вел себя вежливо, но всё же не так приятно глазу, как этот мужчина: «До этого-то заглатывал как волк, а теперь, как немного набил себе желудок, начал манерничать».

Жаровня наполнилась красными углями. Цинь Сяомань засыпал их сверху слоем холодного пепла – так угли грели не слишком сильно, не портили плетеную из бамбука оплетку жаровни, и человек мог греть руки и ноги, не боясь обжечься.

Он придвинул готовую жаровню Ду Хэну.

Ду Хэн почувствовал тепло, исходящее от жаровни у его ног, и его брови дрогнули. Доев лепешку, он огляделся. Дверь кухни была закрыта, но сквозь окно было видно, что снаружи темно и пасмурно, идет моросящий дождь. Время было уже позднее.

— Ты в доме совсем один?

Цинь Сяомань хмыкнул в знак согласия.

Ду Хэн хотел было спросить, когда вернутся родители и не нужно ли взять зонт, чтобы встретить их в дождь, но увидел, как юный гер помешивает угли в топке. Тот, словно угадав его вопрос, произнес:

— Мой маленький папа умер несколько лет назад от тяжелых родов, когда рожал младшего брата. Отца вызвали люди из уездной управы помогать на рудниках, там случился обвал, и его не стало. В доме я один.

Ду Хэн заметно застыл, в груди на миг перехватило дыхание. Он не успел сразу среагировать – он и представить не мог такого несчастья, а гер перед ним рассказывал об этом совершенно спокойным тоном.

Какое-то время он не знал, какими словами его утешить.

Цинь Сяомань увидел, что воды в котле поубавилось. Он подошел к плите, зачерпнул ложкой немного риса и размял его пальцами. Увидев, что рис размягчился, он тут же черпаком из тыквы-горлянки вылил воду вместе с рисом в небольшое сито, стоявшее рядом.

Он словно просто констатировал факты, не имеющие к нему отношения, не желая никого обременять или получать сочувствие.

Плетеное из бамбука сито удерживало рис, но пропускало воду. Рисовый отвар стекал сквозь щели в таз под ситом, а рис оставался отдельно.

Вымыв котел, он снова налил ковш холодной воды, поставил в нее деревянную кадку для варки на пару, высыпал туда рис — и вскоре рассыпчатый, ароматный и сладковатый рис был готов.

Зимой пришло время есть редьку и капусту. Пока рис томился на пару, большая круглая белая редька была нарезана ломтиками толщиной в палец и отправлена в железный котел. Рис парится, редька варится – всё можно подавать одновременно.

Цинь Сяомань подумал, что сегодня первый день Ду Хэна в доме, следовало бы приготовить что-то мясное, но в доме действительно ничего готового не было. Пришлось обходиться тем, что есть, а завтра сходить к своему второму дяде и узнать, не забивал ли тот свинью.

Ду Хэн наблюдал за этой привычной чередой кухонных дел – грубовато, но очень ловко.

— Тебе не следовало рассказывать всё это незнакомому мужчине.

Цинь Сяомань, стоя у плиты, посмотрел на Ду Хэна и усмехнулся:

— Не говоря уже о том, что сейчас тебя ветром качает и я один могу тебя уложить на лопатки, даже если бы ты был очень силен и я не справился бы... Стоит мне только крикнуть, и поверь, мой второй дядя тут же прибежит с ножом для забоя свиней.

Ду Хэн промолчал. Оказывается, чувство безопасности у него всё же было.

Спустя некоторое время Ду Хэн спросил:

— Как тебя зовут?

— Цинь Сяомань. Я родился в сезон «Сяомань»*, сразу после начала лета, потому так и назвали.

[*Сяомань (小满, Xiǎomǎn) – Малое изобилие (один из 24 периодов года, с 21—22 мая, соотносится с серединой 4-го лунного месяца).]

Ду Хэн кивнул. Крестьяне любят давать имена по двадцати четырем сезонам сельскохозяйственного календаря.

— А ты? У тебя ведь есть имя?

— Ду Хэн*. Меня зовут Ду Хэн.

Услышав это, Цинь Сяомань повел бровями. Из этих двух иероглифов он умел писать только «Ду». Его отец хоть и был начитанным человеком, но сам Сяомань знал от силы сотню иероглифов.

Имя Ду Хэна показалось ему утонченным, оно очень подходило этому лицу у очага:

— Твои родители, видать, были людьми учеными, раз дали тебе такое красивое имя.

[*Ду (杜, Dù) – дикая груша; Хэн (衡, Héng) – равновесие, справедливость; Ду Хэн (杜衡) – вместе эти два иероглифа образуют название растения – Копытень, которое упоминается в классической китайской поэзии как символ благородного мужа и чистоты.]

Не чета именам деревенских детей – то в честь скотины, то по порядку рождения. Говорят, «грязное» имя легче выкормить, а на самом деле это объяснялось недостатком образования и неспособностью придумать приличные имена.

Ду Хэн ответил:

— Ну, допустим.

Цинь Сяомань закончил возиться у плиты и собрался растолочь немного перца чили, чтобы можно было макать в него редьку. Заметив, что Ду Хэн вдруг встал, он спросил:

— Ты куда?

— Хочу у двери постоять, осмотреться.

Ду Хэн подумал: «Неужели так строго следит, что и из дома выйти нельзя?»

Не успел он закончить мысль, как услышал слова гера:

— Возьми с собой жаровню. Снаружи очень холодно, простудишься - лекаря не дозовешься.

— ...Хорошо.

Ду Хэн послушно взял жаровню и открыл дверь кухни. Не успел он выйти, как внутрь ворвался холодный ветер с дождем.

Ветер с водяной изморосью пробирал до костей.

Ду Хэн тут же крепче прижал к себе жаровню. Каменные плиты во дворе уже намокли, и сложенным во дворе дровам тоже не поздоровилось.

Мрачная погода была похожа на серые разводы туши в воде. Взглянешь - и видишь только землю поблизости, а то, что дальше, полностью скрыто пеленой дождя.

Ду Хэн смотрел на далекие, едва различимые контуры гор и на извилистую дорогу, исчезающую в тумане. Он нахмурился: казалось, путь к его возвращению домой тоже растворился в этой измороси, и его больше не отыскать.

Цинь Сяомань искоса глянул на него. Ветер задувал Ду Хэну в рукава и штанины, заставляя ежиться, но тот, словно не замечая холода, стоял навтыжку и смотрел вдаль.

Сяомань понял - этот человек, должно быть, тоскует по дому.

Цинь Сяомань помедлил, но всё же вышел к нему:

— Ну как тебе? Видишь, у моего дома крыша из черной черепицы, а не соломенная лачуга. И посмотри на двор - камнем выложен, а не просто грязь под ногами.

Ду Хэн улыбнулся:

— Да, здесь очень хорошо.

— У тебя ноги не ходят, так что и не думай уходить. Живи честно в моем доме как мой муж, я тебя куском хлеба не обделю. В будущем будешь работать сколько сможешь, я не стану заставлять тебя ворочать тяжести.

Услышав обращение «муж», Ду Хэн немного покраснел и ничего не ответил.

— Что такое? Ты меня ни во что не ставишь или считаешь слишком властным?

Ду Хэн честно ответил:

— Вовсе нет.

— Просто... почему ты решил привести незнакомого мужчину, чтобы он стал... мужем?

Насколько он помнил, таких обычаев не было.

— Геры моего возраста в деревне почти все уже сосватаны, я ведь тоже не могу всю жизнь прожить незамужним. Но если я уйду в чужую семью, дом, оставленный родителями, придет в запустение, — Цинь Сяомань старался говорить чинно. — Изначально я планировал взять зятя в дом, но в нашей деревне не нашлось подходящих, а из других деревень вестей всё нет.

Выслушав это, Ду Хэн погрузился в молчание.

— А ты что думаешь? Только что согласился впопыхах ради еды? — спросил Цинь Сяомань. — Рассказывай, что у тебя на уме.

Ду Хэн, видя искренность человека, который к тому же спас ему жизнь, произнес:

— Я ценю твою доброту, но мы ведь только познакомились. Становиться супругами вот так сразу — слишком легкомысленно. В таком деле должна быть взаимная симпатия, а делать всё в тумане — неправильно.

Чтобы не злить его, Ду Хэн сделал шаг назад:

— Нужно ведь сначала узнать друг друга получше, не так ли?

Цинь Сяомань, услышав это, рассмеялся. Наелся — и сразу потянуло «узнавать получше», а до этого-то всё было иначе.

Какая еще «взаимная симпатия»? Видать, сказителей в городе переслушал.

В жизни не до таких изысков. Деревенские люди спину гнут в поле, еды вдоволь не видят — у кого будет время на всё это?

Даже если играть свадьбу по всем правилам: если из одной деревни — еще ладно, может, и виделись, есть какая-то привязанность. Но в основном смотрят на достаток семьи, на размер выкупа и приданого.

Слово родителей, наставление свахи — договорились семьи, и дело сделано.

А если выходить замуж в другую деревню — то косоглазый муж достанется или рябой, узнаешь только в брачную ночь. И жалеть уже поздно. Где уж тут место «взаимной симпатии».

Но Цинь Сяомань посмотрел на жалкого Ду Хэна и не захотел на него давить. К тому же, это действительно был мужчина невесты откуда. Он уступил:

— Ладно, ты человек деликатный. Пусть будет по-твоему — сначала узнаем друг друга, идет?

Ду Хэн с облегчением выдохнул:

— Так будет лучше всего.

— Тогда заходи скорее, а то простудишься.

Ду Хэн обхватил жаровню и кивнул. Как только они зашли в кухню и Цинь Сяомань закрыл дверь, внезапно раздался стук.

Он снова рванул дверь и нетерпеливо крикнул в сторону ворот:

— Кто там?

— Сяомань, это я.

Ду Хэн уловил слухом голос молодого мужчины.

Цинь Сяомань под дождем пошел открывать ворота, грубо спросив:

— Ты чего приперся?

— Я сегодня в город ездил, привез тебе пакетик жареных каштанов. Ешь, пока теплые.

Ду Хэн увидел в окно, что мужчина в соломенной шляпе достал из-за пазухи сверток из промасленной бумаги, вид у него был очень искренний.

Но Цинь Сяомань и так был раздражен, а завидев мужчину, разозлился еще больше. Он пренебрежительно махнул рукой:

— Не ем я такое.

Мужчина был кроткого нрава и не обиделся.

Цинь Сяомань добавил:

— Если дел нет - иди домой.

Мужчина не хотел уходить, он мялся, желая сказать что-то еще, как вдруг поднял глаза и увидел под навесом на веревке сушащийся комплект мужской одежды. Он тут же замер.

Хотя одежда мужчин и гердов мало чем отличалась, по размеру было ясно - это не вещи Цинь Сяоманя.

Мужчина нахмурился:

— Сяомань, у тебя в доме мужчина?!

—

<http://bllate.org/book/14888/1323599>